

Статус профессиональной идентичности как фактор психологической адаптации личности в юношеском возрасте

О.А. Карабанова*¹, С.В. Молчанов²

^{1,2} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ okarabanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2637-4353>

² s-molch2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>

* Автор, ответственный за переписку: okarabanova@mail.ru

Актуальность. Трудности профессионального самоопределения в современном транзитивном обществе обуславливают актуальность исследования связи статуса профессиональной идентичности личности, как показателя успешности разрешения ключевой задачи развития в юношеском возрасте, и психологической адаптации. Ценностное ядро профессионального самоопределения ставит проблему связи ценностных ориентаций личности и профессиональной идентичности и базисных убеждений как показателя степени психологической адаптации.

Цель — исследование связи статуса профессиональной идентичности личности в юношеском возрасте с особенностями психологической адаптации. Задачи: 1) изучение взаимосвязи статусов профессиональной идентичности и базисных убеждений личности как показателей психологической адаптации; 2) изучение особенностей ценностных ориентаций личности в связи со статусами профессиональной идентичности и уровнем психологической адаптации.

Методы. Использованы методика базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой; методика определения статуса идентичности в области профессионального самоопределения Д. Марсиа в модификации О.А. Карабановой, В.Р. Орестовой; опросник ценностных ориентаций Ш. Шварца.

Выборка. 102 респондента, из них 35,4% юношей, 54,4% — девушек в возрасте от 16 до 18 лет.

Результаты. Методом К-средних выделены 2 кластера, различающиеся по уровню психологической адаптации. Выявлены различия в уровне базисных убеждений и ценностных ориентаций у групп со статусом диффузии и моратория, диффузии и достигнутой идентичности (критерий Манна — Уитни, $p \leq 0,05$). Выявлены различия ценностных ориентаций между группами с разным уровнем психологической адаптации (критерий Манна — Уитни, $p \leq 0,05$).

Выводы. Статус профессиональной идентичности в юношеском возрасте связан с уровнем психологической адаптации личности. Высоким статусам идентичности (достигнутой идентичности и мораторию) соответствует высокий уровень психологической адаптации, диффузии идентичности — низкий уровень. Высокий уровень психологического благополучия и адаптации, определяется сбалансированностью ценностей автономии и самоутверждения и универсальных ценностей социальных интересов и общественного благополучия.

Ключевые слова: статус профессиональной идентичности, психологическая адаптация, базисные убеждения, ценностные ориентации, юношеский возраст.

Информация о финансировании. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ проект № 22-18-00230 «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенный и гендерный анализ».

Для цитирования: Карабанова О.А., Молчанов С.В. Статус профессиональной идентичности как фактор психологической адаптации личности в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. 2022. № 4 (48). С. 19–28. doi: 10.11621/npj.2022.0403

Status of professional identity as a factor of person's psychological adaptation in adolescence

Olga A. Karabanova*¹, Sergey V. Molchanov²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ okarabanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2637-4353>

² s-molch2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>

* Corresponding author: okarabanova@mail.ru

Background. The difficulties of professional self-determination in a modern transitive society determine the relevance of studying the connection between psychological adaptation and the status of a person's professional identity, regarded as an indicator of success in solving the key task of development in adolescence. The value core of professional self-determination poses the issue of the relationship between individual's value orientations, the level of professional identity, and basic beliefs as an indicator of the level of psychological adaptation.

Objective. The paper aims to study the relationship between the status of a person's professional identity in adolescence and the characteristics of psychological adaptation. Objectives include studying (1) the relationship between the status of professional identity and the basic beliefs of the individual as an indicator of psychological adaptation; (2) the characteristics of the value orientations of an individual in connection with the status of professional identity and the level of psychological adaptation.

Methods. The World Assumptions Scale (WAS) by R. Yanoff-Bulman in the adaptation of M. Padun and A. Kotelnikova; a technique to determine the status of identity in the field of professional self-determination by D. Marcia, modified by O. Karabanova and V. Orestova; Portrait Values Questionnaire-Revised (PVQ-R) by Sh. Schwartz were used.

Sample. 102 respondents participated in the study: 35.4% are boys, 54.4% are girls aged 16 to 18.

Results. The K-means method was applied. 2 clusters were identified, differing in the level of psychological adaptation. Differences in the level of basic beliefs and value orientations were revealed in groups with the status of diffusion and moratorium, diffusion and achieved identity (Mann-Whitney test, $p \leq 0.05$). Differences in value orientations were revealed between groups with different levels of psychological adaptation (Mann — Whitney test, $p \leq 0.05$).

Conclusion. The status of professional identity in adolescence is associated with the level of psychological adaptation of the individual. High statuses of identity (achieved identity and moratorium) correspond to a high level of psychological adaptation, identity diffusion corresponds to a low level of it. A high level of psychological well-being and adaptation is determined by the balance of the values of autonomy and self-affirmation and the universal values of social interests and public well-being.

Key words: status of professional identity, psychological adaptation, basic beliefs, value orientations, adolescence.

Funding. The study has been supported by Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-18-00230 "Psychological adaptation predictors of the individual in the situation of global risks of the digital world: intergenerational and gender analysis".

For citation: Karabanova, O.A., Molchanov, S.V. (2022). Status of professional identity as a factor of person's psychological adaptation in adolescence. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal (National psychological journal)*, 4 (48), 19–28. doi: 10.11621/npj.2022.0403

Введение

Адаптация в современной психологии понимается как целостный процесс, характеризующий динамическое системное взаимодействие личности с социальной средой, в ходе которого устанавливается равновесие между требованиями среды и способностью личности удовлетворить потребности и реализовать значимые цели деятельности. Адаптация реализуется применительно к различным сферам жизнедеятельности человека (профессиональной, семейной, образовательной, коммуникативной). Социально-психологическая адаптация определяется освоением личностью социальных ролей, норм и ценностей общества в процессе творческой деятельности. В традициях научной школы Д. Узнадзе «адаптация» связывалась с «установкой» как готовностью к определённой активности, обусловленной потребностью субъекта к установлению сбалансированного отношения с объективной ситуацией. (Надирашвили, 1976). В современной психологии происходит изменение понимания адаптации как приспособления личности к требованиям общества (Шибутани, 1999), либо как процесса преимущественного приспособления личности к среде посредством изменения своих свойств, ценностных ориентаций, идентичности, ролевого поведения, что ведет к пониманию адаптации как активного творческого преобразования личностью самой среды, результатом чего становится развитие самой личности, в котором парадоксальным образом механизмом адаптации выступает нададаптивная активность как форма преадаптации (Петровский, 2020). Эффективность адаптации определяется уровнем личностной зрелости, однако, выявление условий и факторов успешной адаптации и ее возрастной специфики еще не стало предметом исследования. Критериями адаптированности следует считать освоение личностью значимой социальной позиции и включенность в референтное сообщество (Петровский, 1987), готовность к реализации новых социальных ролей и деятельности (Карабанова, 2019), а также к саморазвитию в контексте жизненной перспективы (Абульханова-Славская, 1991), психологическое благополучие как индикатор успешности психологической адаптации личности (Фоломеева, Серегина, 2004).

Психологическая адаптация в юношеском возрасте определяется процессами личностного выбора и освоения социальных ролей, норм и правил на основе самоопределения. Ключевой задачей развития становится процесс профессионального самоопределения личности и построение планов в отношении профессии и карьеры (Хевигхерст, 1953; Пряжников, 2019). Транзитивность современного мира, высокая социальная неопределенность будущего, фундаментальные изменения в мире профессий, связанные с формированием конвергентной среды, многообразие вариантов профессионального выбора и развития определяет трудности профессионального самоопре-

деления молодежи (Асмолов, 2015; Huzeeva, Ayanyan, Golubeva, & Martsinkovskaya, 2019). С другой стороны, наметилась тенденция опережающего развития идентичности в сфере профессий и ориентация на первоочередное планирование профессиональной карьеры (Карабанова, Захарова, Старостина, 2020). Конструирование профессиональной идентичности как сложное явление охватывает личные, социальные, культурные, профессиональные и карьерные аспекты, а также сетевое взаимодействие. Социальные сети приобретают все большее значение в построении профессиональной идентичности в современном обществе, раскрывая новые возможности «демонстрации» своего жизненного и профессионального опыта в различных контекстах. Социальные сети позволяют выражать профессиональную идентичность, исследовать и экспериментировать с идентичностью (Kasperuniene, Zydziumaite, 2019).

Выбор дальнейшего жизненного пути, самоопределение составляет, согласно мнению Л.И. Божович, «аффективный центр жизненной ситуации» в юношеском возрасте. Осознание и рождение «жизненной перспективы», то есть представлений о своем месте в будущем (желаемом Я и занимаемой в настоящее время позиции) составляет психологическое содержание самоопределения, представляющего собой новообразование юношеского возраста, связанное с формированием внутренней позиции человека, вступающего во взрослость, осознающего себя полноправным членом общества, примеривающего на себя профессиональные роли и направленного на конструирование своего будущего (Божович, 2001).

Потребность в самоопределении имеет ценностно-смысловую природу, подразумевая поиск смысла своей жизни, целеполагание как согласование целей и ценностных ориентаций в неразрывной связи с представлением о будущем. Двуплановость самоопределения раскрывается как ценностно-смысловая целостность личности и как процесс пространственно-временной организации. Процесс самоопределения конструирует «жизненное поле личности», где представлены значимые личностные смыслы во временном плане, где прошлое, настоящее и будущее выступают в их взаимосвязи и взаимообусловленности (Гинзбург, 1996). Функцией психологического будущего является обеспечение смысловой и временной перспективы личности, определяющей вектор саморазвития личности. Психологическое будущее характеризуется ценностно-смысловым ядром, и в качестве параметров оценивается по своей «валентности» (смысловой насыщенности; эмоциональному отношению к нему и активности/пассивности в реализации выбранных ценностей в будущем). Результатом самоопределения становится обретение идентичности, которое носит амбивалентный противоречивый характер в силу того, что индивидуализация и социализация выступают как основа идентичности (Consorti, Consorti, 2022). Развиваясь на протяжении жизни, идентичность изменяет статусные характеристики при сохранении приверженности системе цен-

ностей, определяющих цели и убеждения личности применительно к профессиональной, социальной и моральной сферами самоопределения. Профессиональная идентичность, являясь важнейшей детерминантой социальной жизнедеятельности личности, определяет характер ценностных ориентаций и установок (Беркутова, Громова, Горшкова, 2018). Интегративной характеристикой результативности процесса самоопределения, кристаллизующей исследовательскую активность личности и принятие ответственности за сделанный выбор и его реализацию является идентичности включает принятие обязательств, идентификацию с принятыми в отношении социальных ролей и правил обязательствами, исследование возможностей профессионального выбора, характеризующееся широтой и тщательностью рассмотрения его альтернатив, и рефлексией, направленной на осознание соответствия меры конгруэнтности принятой идентичности (Crocetti, Luycx, Scrignaro et al., 2011). Профессиональная идентичность выступает как единство профессионализма, профессионального образа Я и процесса формирования профессиональной идентичности (Fitzgerald, 2020)

Согласно представлению о формировании идентичности как динамическом процессе, предполагающем развитие на протяжении всей жизни, принятие обязательств и приверженность им, углубленное исследование и пересмотр обязательств представляют собой различные процессы идентификации (Crocetti, Schwartz, Fermani, Meeus, 2010). В подходе к исследованию идентичности как процесса выделяют три стиля поиска идентичности — информационный, в котором субъект фокусируется на поиске разнообразной информации для принятия решения, нормативный, основанный на мнении авторитетов и приверженности социальным нормам, и избегающий/диффузно избегающий, предполагающий уход от необходимости выбора и принятия решения. При этом статусы идентичности оказываются связаны с определенным стилем поиска идентичности, а именно, мораторий и достигнутая идентичность с информационным стилем, предрешение с нормативным, диффузия с избегающим стилем (Verzonsky, Kuk, 2002; Zimmermann, Biermann, Mantzouranis et al., 2012).

В соответствии со статусной моделью Э. Эриксона (Эриксон, 2006) нормативное формирование идентичности предполагает прохождение моратория. Вместе с тем, исследования обнаруживают, что в значительном числе случаев проблемы идентичности решались путем принятия личностью обязательств без изучения альтернатив (предрешение), либо вовсе без вовлечения в процесс идентификации (диффузия). В рамках статуса диффузии выделяют докризисный, апатичный, отчужденный, патологический, маргинально вовлеченный и избегающий обязательств типы, а применительно к предрешению — открытые, закрытые, преждевременные, поздно развивающиеся и присвоенные типы (Archer, Waterman, 1990).

В ряде исследований показано, что низкие статусы идентичности сопровождаются нарушением эмоциональной стабильности, переживанием тревоги и депрессии (Becht, Luycx, Nelemans, Goossens et al., 2019). Установлено, что в юношеском возрасте и молодости каждый из выявленных шести статусов идентичности — достижение, предрешение, мораторий, диффузия, беззаботная диффузия и недифференцированная диффузия, характеризуется отчетливым профилем с точки зрения самооценки, тревоги, депрессии и удовлетворения потребностей и в случае низких статусов приводит к нарушению психо-социального функционирования (Crocetti, Luycx, Scrignaro et al., 2011). Это позволяет предположить, что статусы профессиональной идентичности, отражая возрастную специфику завершенности самоопределения в сфере профессии в юношеском возрасте, составляют основу психологической адаптации и переживания психологического благополучия. От того, насколько успешно разрешена личностью задача самоопределения, от авторского проекта жизненного пути зависит характер психологической адаптации личности в юношеском возрасте (Гинзбург, 1996).

Цель — исследование связи статуса профессиональной идентичности личности в юношеском возрасте с особенностями психологической адаптации. В основу исследования были положены 2 гипотезы: 1. Поскольку статус идентичности в юношеском возрасте является результатом самоопределения в профессиональном поле, выступающим как ключевая задача развития, мы предположили, что **высоким статусам идентичности личности в профессиональной сфере соответствует высокий уровень психологической адаптации**. 2. Опираясь на положение о ценностно-смысловой природе процесса самоопределения, итогом которого становится развитие идентичности, операционализируемое в виде статуса, мы предположили, что **существуют различия в ценностных ориентациях личности с различными статусами идентичности в профессиональной сфере и уровне психологической адаптации**.

Задачи исследования включали 1) определение статусов идентичности личности в сфере профессионального самоопределения в юношеском возрасте; 2) изучение особенностей базисных убеждений личности о мире и о себе как показателе уровня психологической адаптации в юношеском возрасте; 3) изучение взаимосвязи статусов идентичности и базисных убеждений личности; 4) изучение особенностей ценностных ориентаций личности в связи со статусами профессиональной идентичности и уровнем психологической адаптации.

Научная новизна исследования определяется изучением связи психологической адаптации в юношеском возрасте со статусом идентичности в профессиональной сфере и системой ценностных ориентаций, опосредующих самоопределение личности.

Методы

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Методика базисных убеждений личности (World Assumptions Scale) была разработана Р. Янофф-Бульман, адаптирована М.А. Падун, А.В. Котельниковой (Падун, Котельникова, 2007) и опирается на когнитивную концепцию базовых убеждений, составляющих ядро нашего субъективного мира. Состоит из 37 утверждений, описывающих 5 шкал: доброжелательность окружающего мира, справедливость, образ Я, удача, убеждения о контроле. Ответы даются по 6-балльной шкале Лайкерта.

2. Методика определения статуса идентичности в области профессионального самоопределения Д. Марсиа (Marcia, 1966; 1980) включает в себя 16 открытых вопросов и является составной частью интервью на определение статусов идентичности в модификации О.А. Карабановой, В.Р. Орестовой (Орестова, Карабанова, 2005).

3. Опросник ценностных ориентаций, разработанный и адаптированный Ш. Шварцем, в соавторстве с Т.П. Бутенко, Д.С. Седовой (Шварц, Бутенко, Седова, 2012) направлен на изучение базовых индивидуальных ценностей. Выделены следующие ценности: самостоятельность мысли, самостоятельность поступков, стимуляция, гедонизм, достижения, власть-доминирование, власть-ресурсы, репутация, личная безопасность, общественная безопасность, традиции, конформизм перед правилами, межличностный конформизм, скромность, универсализм как забота о других людях, универсализм как забота о природе, универсализм как толерантность, благосклонность как забота и благосклонность как чувство долга.

Выборка

В нашем исследовании приняло участие 102 респондента, из них мужчины составляют 35,4% выборки, женщины — 54,4%, в возрасте от 16 до 18 лет.

Результаты исследования

Статус идентичности в сфере профессионального самоопределения

Анализ статуса идентичности в области профессионального самоопределения в юношеском возрасте в соответствии с моделью, предложенной Д. Марсиа, включающей статусы достигнутой идентичности, моратория, предрешения и диффузии позволил установить распределение статусов идентичности у респондентов. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Как видно из представленной таблицы, наиболее распространенным статусом идентичности является

Таблица 1. Распределение статусов идентичности в области профессионального самоопределения

Статус идентичности	В % от общего числа респондентов
Диффузия	14,7%
Предрешение	0,9 %
Мораторий	27,5%
Достигнутая идентичность	56,9%

Table 1. Distribution of identity statuses in the field of professional self-determination

Identity Status	In % of the total number of respondents
Diffusion	14.7%
Foreclosure	0.9 %
Moratorium	27.5%
Achieved Identity	56.9%

достигнутая идентичность (56,9%). На втором месте мораторий (27,5%), на третьем — диффузия идентичности (14,7%). В нашей выборке статус предрешенной идентичности был выявлен только у одного респондента, что ограничивает возможности анализа полученных результатов. Однако количественное распределение респондентов по другим вариантам статусов идентичности позволяет анализировать полученные результаты. Вызывает некоторое удивление почти полное отсутствие респондентов со статусом предрешенной идентичности. Можно предположить, что такое положение отражает тенденцию снижения референтности старшего поколения для молодежи при осуществлении значимых жизненных выборов. Статус предрешения в области профессиональных выборов предполагает опору на мнение родителей и других значимых взрослых, принятие их позиции и мнения без рефлексии и должного критического осмысления. Современный мир во многом приводит к усилению ценностного разрыва между подрастающим поколением и поколением взрослых людей, снижению авторитета старших, вплоть до прямого пренебрежения. Вследствие этого социальные ожидания и конкретные предложения старшего поколения в области профессиональных выборов часто оказываются незначимыми для современных подростков.

Особенности базисных убеждений личности

Был проведен кластерный анализ групп испытуемых с разным уровнем базисных убеждений личности (методом кластерного анализа К-средними) и выделены 2 группы, описывающие 84% респондентов всей выборки. Полученные результаты кластерного анализа представлены в табл. 2.

Как видно из приведенных данных для респондентов первого кластера, составившего 28,1% выборки, характерна более высокая позитивная оценка образа мира (шкалы «доброжелательность окружающего мира» и «справедливость», «вера в удачу»), так и самих

Таблица 2. Результаты кластерного анализа, направленного на выделение групп респондентов с разным уровнем базисных убеждений личности

Шкала	Кластер 1 (среднее)	Кластер 2 (среднее)
Доброжелательность окружающего мира	38,88	27,96
Справедливость	25,04	20,19
Образ Я	28,54	23,57
Удача	34,69	25,98
Убеждения о контроле	31,50	25,15

Table 2. Results of cluster analysis aimed to identify groups of respondents with different levels of basic personal beliefs

Scale	Cluster 1 (mean)	Cluster 2 (mean)
Benevolence of the environment	38.88	27.96
Justice	25.04	20.19
Self-Image	28.54	23.57
Luck	34.69	25.98
Beliefs about control	31.50	25.15

себя и своих возможностей контролировать окружающий мир и события (шкалы «образ Я» и «убеждения о контроле»). Выявлено сходство в рангах значимости базисных убеждений в обоих кластерах. Высший ранг базисных убеждений приписывается доброжелательности окружающего мира, далее следует вера в удачу, убеждения о контроле, образ Я и самые низкие оценки характерные для восприятия мира как справедливого. Высокие оценки по всем шкалам первого кластера позволяют сделать вывод о том, что имплицитная концепция окружающего мира и собственного «Я» респондентов первого кластера свидетельствует о высоком уровне психологического благополучия и, соответственно психологической адаптации. Все оценки респондентов второго кластера, составившего 55,9% всей выборки, значительно ниже. Меньшая уверенность респондентов в доброжелательности и справедливости окружающего мира и в самих себе свидетельствует о более низком уровне их психологического благополучия и адаптации.

Взаимосвязь базисных убеждений личности и статусов идентичности

Как видно из представленных данных, для респондентов 1 кластера, отнесенных к группе высокого уровня благополучия, характерны высокие статусы идентичности: наиболее распространенным статусом в области профессионального самоопределения является достигнутая идентичность 52% и мораторий — 44%. Для респондентов, обнаруживших более низкий уровень психологического благополучия (2 кластер) также наиболее характерен статус достигнутой идентичности — 54,7%, при почти равном представительстве статусов моратория — 22,6% и диффузии 20,8%. Статус предпрешенной идентичности в целом по выборке практически не представ-

лен. Сравнительный анализ распределения статусов идентичности в области профессионального самоопределения показывает, что при общем преобладании статуса достигнутой идентичности структура статусов имеет различия. Для респондентов 1 кластера с высокими оценками по шкалам психологического благополучия характерны статусы достигнутой идентичности и мораторий, а для респондентов 2 кластера, чьи оценки свидетельствуют о более низком уровне психологического благополучия, как высокий статус моратория, так и низкий статус диффузии. В целом можно говорить о том, что более высокий уровень психологического благополучия связан с готовностью молодого человека к решению задачи самоопределения и к поиску своего места в пространстве будущих профессий. Это касается и ситуации актуального поиска — статуса моратория, и ситуации результативно завершённого поиска — статуса достигнутой идентичности.

Выявлены взаимосвязи базисных убеждений личности и статусов идентичности в области профессионального самоопределения. Сравнительный анализ базисных убеждений для молодежи со статусами диффузия и мораторий показывает, что для лиц с мораторием характерна большая вера в справедливость окружающего мира (критерий Манна — Уитни для независимых выборок здесь и далее, $p = 0.01$), убеждения о контроле, вера в удачу ($p = 0.05$ для обеих шкал). При сравнении молодежи со статусами диффузии и достигнутой идентичности в области профессионального самоопределения более высокие оценки веры в справедливость окружающего мира были констатированы для респондентов с высоким статусом достигнутой идентичности ($p = 0.01$).

Таблица 3. Распределение статусов идентичности в области профессионального самоопределения в группах с разным уровнем базисных убеждений личности

Статус идентичности	Кластер 1 (в % от общего числа респондентов кластера)	Кластер 2 (в % от общего числа респондентов кластера)
Диффузия	4	20,8
Предрешение	0	1,9
Мораторий	44	22,6
Достигнутая идентичность	52	54,7

Table 3. Distribution of identity statuses in the field of professional self-determination in groups with different levels of basic personal beliefs

Identity Status	Cluster 1 (in % of the total number of cluster respondents)	Cluster 2 (in % of the total number of cluster respondents)
Diffusion	4	20.8
Foreclosure	0	1.9
Moratorium	44	22.6
Achieved Identity	52	54.7

Связь статусов идентичности и ценностных ориентаций

Анализ взаимосвязи ценностей личности и статусов идентичности в области профессионального самоопределения обнаружил значимые различия при сравнении диффузии и моратория. Большое количество различий связано с мерой активности субъекта профессионального выбора, а именно, для ситуаций развернутого активного поиска своего места в пространстве профессиональных выборов и ситуаций отказа от поиска, то есть при сравнении респондентов со статусом диффузии, с одной стороны, и статусом моратория и достигнутой идентичности с другой. Сравнительный анализ ценностных ориентаций у респондентов со статусом диффузии и моратория обнаруживает, что в случае моратория респонденты оценивают как более значимые ценности выхода за пределы своего «Я» и проявления благосклонности в форме заботы (критерий Манна — Уитни, $p = 0,05$), ценности сохранения традиций ($p = 0,05$), общественной безопасности ($p = 0,05$) и скромности ($p = 0,05$). На уровне тенденции — благосклонности как долга ($p = 0,67$), универсализма в отношении природы ($p = 0,55$) и заботы ($p = 0,58$). При сравнительном анализе ценностных ориентаций респондентов в статусе диффузии и достигнутой идентичности респонденты с высоким статусом идентичности и принятием выбора и обязательств в профессиональной сфере более высоко оценивают значимость благосклонности как заботы ($p = 0,05$) и на уровне тенденции благосклонности как долга ($p = 0,66$). Интересно, что при сравнительном анализе ценностных ориентаций респондентов со статусом моратория и достигнутой идентичности, юноши, находящиеся в актуальном поиске и исследовании возможностей более ориентированы на конформизм как подчинение правилам и благосклонность как заботу и как долг ($p = 0,05$).

Различия ценностных ориентаций у респондентов с разным уровнем психологического благополучия

Обнаружены различия в предпочтении определенных ценностей и уровня психологического благополучия.

При сравнении групп с разным уровнем психологического благополучия выявлено статистически значимое предпочтение респондентами с более высоким уровнем благополучия таких ценностей как самостоятельность мыслей (критерий Манна — Уитни, $p = 0,01$) и стремление к достижениям (в виде тенденции $p = 0,06$); универсализм как забота о других ($p = 0,05$) и о природе ($p = 0,01$); значимость толерантности ($p = 0,05$); предпочтение благосклонности как проявления чувства долга ($p = 0,05$) и конформности как готовности следовать установленным правилам ($p = 0,05$).

Таким образом, для респондентов с более высоким уровнем психологического благополучия в приоритете ценностей открытость к изменениям (самостоятельность мыслей и стремление к достижениям) и выход за пределы своего «Я» (универсализм и благосклонность).

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют выделить возрастную специфику условий психологической адаптации в юношеском возрасте, заданную успешностью решения возрастных задач развития. Соответственно, критерием психологической адаптации является вхождение в мир взрослых и самоопределение юношей и девушек в профессиональной сфере, что находит отражение в статусе профессиональной идентичности. Результаты исследования позволяют рассматривать базисные убеждения личности показателями ее психологической адаптации.

Процесс активного исследования широты возможностей самоопределения и глубина такого исследования лежат в основе выбора и принятия определенных внутренних обязательств, обеспечивающих формирование профессиональной идентичности, представляя, по сути, один из механизмов психологической адаптации. Ценностные ориентации личности, оставляя основу самоопределения, обуславливают статус профессиональной идентичности. В случае высоких статусов идентичности для личности характерны ценностные ориентации, отражающие значимость вхождения юноши в социальный мир и принятия заботы и ответственности за социальное и природное благополучие (ценности благосклонности в форме заботы и долга, сохранения традиций, общественной безопасности и универсализма в отношении природы). Не случайно, что и уровень психологической адаптации в этом случае выше, чем в случае диффузии, предполагающей отказ от личностного выбора и принятия обязательств в отношении профессиональной траектории жизненного пути. Высокий уровень психологического благополучия личности основывается на целостности ценностей открытости к изменениям (самостоятельность мыслей и стремление к достижениям) и выхода за пределы своего «Я» (универсализм и благосклонность), свидетельствуя о балансе социальных интересов, ответственности и стремлении к автономии и самоутверждению. Неожиданный, на первый взгляд, результат — высокая значимость конформизма для юношей в статусе моратория, получает свое значение в контексте выявленной преимущественной ориентации на общественное благополучие и безопасность. Конформность как готовность следовать социальным предписаниям отражает значимость социального блага для личности, побуждает принять установленные социальные правила как некоторые критерии исследования и поиска возможностей самоопределения и обретения собственной позиции в социальных границах. Полученные результаты позволяют усомниться в корректности определения психологической адаптации как простого «подстраивания» личности к социальным требованиям и нормам и успешному освоению социальных ролей. Содержание психологической адаптации составляет единство двух тенденций — движения личности к автономии как принятию свободы выбора и ответственности и реализации заботы об обществе

и природе на основе принятия традиций. Успешность разрешения задач развития в юношеском возрасте — задачи самоопределения в профессиональной области, итогом решения которой является статус идентичности, формирует значимую составляющую психологической адаптации личности. Практическое применение результатов исследования определяется возможностями их использования в психологическом консультировании по проблемам профессионального самоопределения в юношеском возрасте в целях оптимизации профессионального выбора и профилактики нарушений психологической адаптации личности. Перспективой дальнейшего исследования является изучение роли социальных сетей и конструирования идентичности в виртуальном интернет-пространстве для успешности самоопределения личности в сфере профессионального развития.

Выводы

1. Значимой составляющей и содержанием психологической адаптации на каждой возрастной ступе-

ни является успешность разрешения ключевых задач развития. Возрастная специфика психологической адаптации в юношеском возрасте определяется успешностью разрешения задачи профессионального самоопределения.

2. Статус профессиональной идентичности в юношеском возрасте, определяющий характер решения задачи самоопределения в сфере профессий связан с уровнем психологической адаптации личности. Высоким статусам идентичности (достигнутой идентичности и мораторию) соответствует высокий уровень психологической адаптации, диффузии идентичности — низкий уровень.

3. Ценностные ориентации опосредствуют процесс самоопределения и тем самым определяют базисные убеждения личности и ее психологическое благополучие. Высокий уровень психологического благополучия и, соответственно, адаптации, определяется сбалансированностью ценностей автономии и самоутверждения и универсальных ценностей социальных интересов и общественного благополучия как показателя выхода личности за пределы собственного «Я».

Литература

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40 (1). [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.06.2020).

Беркутова Д.И., Громова Е.М., Горшкова Т.А. Становление профессиональной идентичности как фактор проектирования карьерной стратегии современного студента вуза // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 4. С. 299–304.

Божович Л.И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.; Воронеж: Ин-т практической психологии, 2001.

Гинзбург М.Р. Психология личностного самоопределения: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1996.

Карбанова О.А., Орестова В.Р. Методы исследования идентичности в концепции Д. Марсиа // Психология и школа. 2005. № 1. С. 39–50.

Карбанова О.А. Роль семьи и школы в обеспечении психологического благополучия младших школьников // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 5. С. 16–26.

Карбанова О.А., Захарова Е.И., Старостина Ю.А. Личностные факторы построения профессиональной карьеры в период вхождения во взрослость // Национальный психологический журнал. 2020. Т. 4, № 40. С. 113–124.

Надирашвили Ш.А. Особенности закономерностей действия установки на различных уровнях психической активности человека. Проблемы социальной психологии. Тбилиси, 1976.

Падун М.А., Котельникова А.В. Методика исследования базисных убеждений личности. Лаборатория психологии и психотерапии посттравматического стресса. М.: ИПРАН, 2007.

Петровский А.В. Развитие личности и проблема ведущей деятельности // Вопросы психологии. 1987. № 1. С. 15–26.

Петровский В.А. Активность, деятельность, индивидуальность: между вчера и завтра (методологические заметки) // Мир психологии. 2020. № 2 (102). С. 20–31.

Пряжников Н.С. Профориентология. М.: Юрайт, 2019.

Фоломеева Т.В., Серегина И.С. Социальные представления о благополучии // Мир психологии. 2004. № 3. С. 122–132.

Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 24–43.

Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 2006.

Archer, S.L., Waterman, A.S. (1990). Varieties of Identity Diffusions and Foreclosures: An Exploration of Subcategories of the Identity Statuses. *Journal of Adolescent Research*, 5 (1), 96–111. <https://doi.org/10.1177/074355489051009>

Becht, A.I., Luyckx, K., Nelemans, S.A., Goossens, L., Branje, S.J., Vollebergh, W.A., Meeus, W.H. (2019). Linking identity and depressive symptoms across adolescence: A multisample longitudinal study testing within-person effects. *Developmental Psychology*, 55 (8), 1733–1742. <https://doi.org/10.1037/dev0000742>

Berzonsky, M., Kuk, L. (2000). Identity Status, Identity Processing Style, and the Transition to University. *Journal of Adolescent Research*, 15 (1), 81–98.

Consorti, F., Consorti, G. (2022). Elements and Determinants of Professional Identity During the Pandemic: A Hermeneutic Qualitative Study, Teaching and Learning in Medicine. *Teaching and learning medicine*, 16, 1–14. doi: 10.1080/10401334.2022.2080068

- Crocetti, E., Luyckx, K., Scignaro, M., Sica, L.S. (2011). Identity formation in Italian emerging adults: A cluster-analytic approach and associations with psychosocial functioning. *European Journal of Developmental Psychology*, 8 (5), 558–572. <https://doi.org/10.1080/17405629.2011.576858>
- Crocetti, E., Schwartz, S.J., Fermani, A., Meeus, W. (2010). The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS). *European Journal of Psychological Assessment*, 26 (2), 172–186. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000024>
- Fitzgerald, A. (2020). Professional identity: A concept analysis. *Nursing Forum*, 55 (3), 447–472. doi: 10.1111/nuf.12450
- Havighurst, R.J. (1953). Human development and education. Longmans: Green.
- Huzeeva, G., Ayanyan, A., Golubeva, N., & Martsinkovskaya, T. (2019). The Dynamics Of Identity In The Information And Transitive Space. In T.D. Martsinkovskaya, & V.R. Orestova (Eds.), *Psychology of Subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development*, 64. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 356–364). Future Academy. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.07.46>
- Kasperuniene, J., Zydziunaite, V. (2019). A Systematic Literature Review on Professional Identity Construction in Social Media. *SAGE Open*, 9 (1). <https://doi.org/10.1177/2158244019828847>
- Marcia, J.E. (1996). Development and validation of ego identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*, 3 (5), 551–558.
- Marcia, J.E. (1980). Identity in adolescence. *Handbook of adolescent psychology*. In J. Adelson (Eds.), (pp. 159–187). New York: Wiley.
- Waterman, S. (1999). Identity, the Identity Statuses, and Identity Status. Development: A Contemporary Statement. *Developmental Review*, 19, 591–621.
- Zimmermann, G., Biermann, E., Mantzouranis, G., Genoud, P.A., Crocetti, E. (2012). Brief Report: The Identity Style Inventory (ISI-3) and the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS): Factor structure, reliability, and convergent validity in French-speaking college students. *Journal of Adolescence*, 35, 461–465. doi: 10.1016/j.adolescence.2010.11.013

References

- Abul'khanova-Slavskaya, K.A. (1991). Life strategy. M.: Mysl'. (In Russ.).
- Archer, S.L., Waterman, A.S. (1990). Varieties of Identity Diffusions and Foreclosures: An Exploration of Subcategories of the Identity Statuses. *Journal of Adolescent Research*, 5 (1), 96–111. <https://doi.org/10.1177/074355489051009>
- Asmolov, A.G. (2015). Psychology of Modernity: Challenges of Uncertainty, Complexity and Diversity. *Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Research)*, 8, 40 (1). (Retrieved from <http://psystudy.ru>) (review date: 02.06.2020). (In Russ.).
- Becht, A.I., Luyckx, K., Nelemans, S.A., Goossens, L., Branje, S.J., Vollebergh, W.A., Meeus, W.H. (2019). Linking identity and depressive symptoms across adolescence: A multisample longitudinal study testing within-person effects. *Developmental Psychology*, 55 (8), 1733–1742. <https://doi.org/10.1037/dev0000742>
- Berkutova, D.I., Gromova, E.M., Gorshkova, T.A. (2018). Formation of professional identity as a factor in designing a career strategy for a modern university student. *Samarskij nauchnyj vestnik (Samara Scientific Bulletin)*, 7 (4), 299–304. (In Russ.).
- Berzonsky, M., Kuk, L. (2000). Identity Status, Identity Processing Style, and the Transition to University. *Journal of Adolescent Research*, 15 (1), 81–98.
- Bozhovich, L.I. (2001). Problems of Personality Formation: Selected Psychological Works. In D.I. Feld'shtein (Eds.). M.; Voronezh: In-t prakticheskoy psikhologii. (In Russ.).
- Consorti, F., Consorti, G. (2022). Elements and Determinants of Professional Identity During the Pandemic: A Hermeneutic Qualitative Study, Teaching and Learning in Medicine. *Teaching and learning medicine*, 16, 1–14. doi: 10.1080/10401334.2022.2080068
- Crocetti, E., Luyckx, K., Scignaro, M., Sica, L.S. (2011). Identity formation in Italian emerging adults: A cluster-analytic approach and associations with psychosocial functioning. *European Journal of Developmental Psychology*, 8 (5), 558–572. <https://doi.org/10.1080/17405629.2011.576858>
- Crocetti, E., Schwartz, S.J., Fermani, A., Meeus, W. (2010). The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS). *European Journal of Psychological Assessment*, 26 (2), 172–186. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000024>
- Erikson, E. (2006). Identity: youth and crisis. M.: Progress. (In Russ.).
- Fitzgerald, A. (2020). Professional identity: A concept analysis. *Nursing Forum*, 55 (3), 447–472. doi: 10.1111/nuf.12450
- Folomeeva, T.V., Seregina, I.S. (2004). Social perceptions of well-being. *Mir psikhologii (World of psychology)*, 3, 122–132. (In Russ.).
- Ginzburg, M.R. (1996). Psikhologiya lichnostnogo samoopredeleniya: Diss. ... doct. psikhol. nauk. (Psychology of personal self-determination). Doctoral Dissertation. (Psychology). Moscow. (In Russ.).
- Havighurst, R.J. (1953). Human development and education. Longmans: Green.
- Huzeeva, G., Ayanyan, A., Golubeva, N., & Martsinkovskaya, T. (2019). The Dynamics Of Identity In The Information And Transitive Space. In T.D. Martsinkovskaya, & V.R. Orestova (Eds.), *Psychology of Subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development*, 64. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 356–364). Future Academy. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.07.46>
- Karabanova, O.A., Orestova, V.R. (2005). Identity Research Methods in the Concept of Identity Statuses by J. Marcia. *Psikhologiya i shkola (Psychology and School)*, 1, 39–50. (In Russ.).
- Karabanova, O.A. (2019). The role of the family and school in ensuring the psychological well-being of younger students. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological science and education)*, 24 (5), 16–26. (In Russ.).
- Karabanova, O.A., Zakharova, E.I., Starostina, Y.A. (2020). Personal factors of building a professional career in the emerging adulthood. *Nacional'nyj psikhologicheskij zhurnal (National Psychological Journal)*, 4 (40), 113–124. (In Russ.).
- Kasperuniene, J., Zydziunaite, V. (2019). A Systematic Literature Review on Professional Identity Construction in Social Media. *SAGE Open*, 9 (1). <https://doi.org/10.1177/2158244019828847>

- Marcia, J.E. (1996). Development and validation of ego identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*, 3 (5), 551–558.
- Marcia, J.E. (1980). Identity in adolescence. Handbook of adolescent psychology. In J. Adelson (Eds.), (pp. 159–187). New York: Wiley.
- Nadirashvili, Sh.A. (1976). Features of the regularities of the action of the installation at different levels of human mental activity. Problems of social psychology (pp. 237–249). Tbilisi. (In Russ.).
- Padun, M.A., Kotel'nikova, A.V. (2007). Methodology for the study of basic beliefs of the individual. Laboratory of Psychology and Psychotherapy of Post-Traumatic Stress. M.: IPRAN. (In Russ.).
- Petrovskij, A.V. (1987). Personal development and the problem of leading activity. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 1, 15–26. (In Russ.).
- Petrovskij, V.A. (2020). Activity, activity, individuality: between yesterday and tomorrow (methodological notes). *Mir psikhologii (World of psychology)*, 2 (102), 20–31. (In Russ.).
- Pryazhnikov, N.S. (2019). Career guidance. M: Yurajt. (In Russ.).
- Shibutani, T. (1999). Social Psychology. Rostov-on-Don: Feniks. (In Russ.).
- Shvartz, Sh., Butenko, T.P., Sedova, D.S. (2012). A Refined Theory of Basic Individual Values: Application in Russia. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki (Psychology. Journal of Higher School of Economics)*, 2, 24–43. (In Russ.).
- Waterman, S. (1999). Identity, the Identity Statuses, and Identity Status. Development: A Contemporary Statement. *Developmental Review*, 19, 591–621.
- Zimmermann, G., Biermann, E., Mantzouranis, G., Genoud, P.A., Crocetti, E. (2012). Brief Report: The Identity Style Inventory (ISI-3) and the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS): Factor structure, reliability, and convergent validity in French-speaking college students. *Journal of Adolescence*, 35, 461–465. doi: 10.1016/j.adolescence.2010.11.013

Статья получена 08.10.2022;
принята 21.11.2022;
отредактирована 27.11.2022.

Received 08.10.2022;
accepted 21.11.2022;
revised 27.11.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT AUTHORS

Карабанова Ольга Александровна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой возрастной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, okarabanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2637-4353>

Olga A. Karabanova — Doctor in Psychology, Professor, Head of the Department of Developmental Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, okarabanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2637-4353>

Молчанов Сергей Владимирович — кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, s-molch2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>

Sergey V. Molchanov — PhD in Psychology, Associate Professor, the Department of Developmental Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, s-molch2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>